

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 101.1; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-623-631

Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание

^{1,2} Римский В.П., ¹ Римская О.Н.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, 308015, ул. Победы, 85
rimskiy@bsu.edu.ru, olgarimskaja@rambler.ru

Аннотация. Проблема автора и творчества является классической не только в филологии, но и в философии и гуманитарных науках, предполагает рассмотрение материализации авторского творчества в текстах культуры (письменных, устных, визуальных). В отечественной литературе этот парадокс был зафиксирован в творчестве Л.Н. Толстого, 195-я годовщина со дня рождения которого отмечается в 2023 году. Л.Н. Толстому приписывают призыв к автору молчать и не писать, но известно и его революционное воззвание «не могу молчать». Современные философы и культурологи пытались решать эту дилемму путём введения концепта «дискурс», более широкого, чем понятия «текст» и «контекст». Однако до сих пор эта парадоксальная позиция «молчащего автора», когда сам текст и дискурс начинают «говорить» вместо автора, остаётся загадкой и интеллектуальной головоломкой. С использованием методов герменевтики и дискурс-анализа получено новое прочтение данной классической проблемы, когда само молчание автора выступает не только в качестве контекста произведения в дискурсе конкретной ситуации и события культуры, но и как авторская позиция, в том числе идеологическая, мировоззренческая и философская.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, автор, творчество, письмо, текст, диалог, разговор, понимание

Для цитирования: Римский В.П., Римская О.Н. 2023. Молчание автора: автор и текст, речь и письмо, дискурс и понимание. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 623–631. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-623-631

The Silence of the Author: The Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding

^{1,2} Viktor P. Rimsky, ¹ Olga N. Rimskaya

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St., Belgorod 308007, Russian Federation

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
rimskiy@bsu.edu.ru, olgarimskaja@rambler.ru

Abstract. The problem of the author and creativity is classical not only in philology, but also in philosophy and the humanities, it involves considering the materialization of the author's creativity in cultural texts (written, oral, visual). In Russian literature, this paradox was recorded in the work of L.N. Tolstoy, the 195th anniversary of whose birth is celebrated in 2023. L.N. Tolstoy is credited with calling on the author to be silent and not to write, but his revolutionary appeal "I cannot be silent" is also known. Mod-

ern philosophers and cultural scientists have tried to solve this dilemma by introducing the concept of "discourse", broader than the concepts of "text" and "context". However, until now, this paradoxical position of the "silent author", when the text itself and the discourse begin to "speak" instead of the author, remains a mystery and an intellectual puzzle. Using the methods of hermeneutics and discourse analysis, a new reading of this classical problem is obtained, when the author's silence itself acts not only as the context of the work in the discourse of a specific situation and cultural event, but also as the author's position, including ideological, ideological and philosophical.

Keywords: L.N. Tolstoy, author, creativity, writing, text, dialog, conversation, understanding

For citation: Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2023. The Silence of the Author: The Author and the Text, Speech and Writing, Discourse and Understanding. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 623–631 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-623–631

Введение

Ветхозаветный Моисей является для нас той культурно-символической фигурой, которая открывает не только тематику «автора» и «авторского творчества» [Аверинцев, 1996, 2006], но и проблематику «молчания автора». Дело в том, что косноязычный Моисей согласно Книге «Исход» [Исх.4:10] не только «молча внимает Богу» (это особый разговор без слов, божественное откровение) и получает каменные скрижали, первый письменный текст Заповедей Господа [Аверинцев, 2006, с. 313–319], но и препоручает своему брату Аарону от своего имени толковать собственную путанную речь и даже молчание перед народом Израилевым [Аверинцев, 2006, с. 14–15]. Таким образом, «священное молчание» изначально привносит в наши культурно-цивилизационные тексты и контексты не только символику «авторитетного авторства» (библейское Пятикнижие освящено авторитетом Моисея, как и другие книги Библии получили сакральную санкцию от имён пророков и царей), но и первичные практики диалога [Бахтин, 1979] и герменевтики [Герменевтическая... 2019], то есть толкования и понимания текстов и многообразных знаков – символических систем культуры – монологических и диалогических, устных и письменных, визуальных и цифровых, и т.д.

Проблему автора на материале творчества Ф.М. Достоевского первым в отечественной филологии (с философской глубиной) в двадцатые годы XX века поднял М.М. Бахтин, различая позиции монолога и диалога в авторском творчестве [Бахтин, 2000, с. 25]. Именно в это время рождаются отечественная семиотика и структурные исследования архаического мифа и ритуально-фольклорной культуры (помимо М.М. Бахтина это были П.Г. Богатырёв, А.Н. Веселовский, Л.С. Выготский, А.М. Золотарёв, В.Я. Пропп, С.М. Эйзенштейн, Р.О. Якобсон и др.) [Иванов Вяч. Вс., 1976], в которых проблемы авторского и фольклорного творчества, мифа и знака, ритуала и мифа, текста и знака, автора и творчества ставятся в новом культурно-семиотическом и диахронном измерении, что позднее в некоторой мере повлияло и на возникновение западного структурализма.

Западные структуралисты (Р. Барт [1989]) и постструктуралисты (М. Фуко [1996]) 60-х годов прошлого века ввели в научный и философский диалог и полемику тематику «дискурса», «автора» и «смерти автора» в их сложном существовании в анонимных текстах, в которых и был похоронен не столько творящий автор, сколько реальная философско-антропологическая проблема человека в мире культуры.

В это же время проблема автора и авторитетного авторства в отечественной науке поднимается и развивается кругом филологов и философов в притяжении С.С. Аверинцева [Аверинцев, 1978; Роднянская, 1978]. В рамках нашей философской школы мы также обращались к фигуре автора в контексте истории культуры [Римский и др., 2017]. Однако во всех подходах и концепциях автора, в том числе и в собственных наших, мы не находим концепт «молчание автора», который может раскрыть многие парадоксы культуры и творчества.

Данная работа нами рассматривается как первая попытка прервать загадочность «молчания автора» в собственном понимании этого культурно-исторического феномена.

Парадокс авторского молчания в версии Л.Н. Толстого

В обыденном сознании и словоупотреблении приобрело статус «бродячей фразы» высказывание, приписываемое Л.Н. Толстому: «если не можешь писать, то лучше не пиши (или молчи)». Это произвольно пересказанная мысль из переписки и дневника Л.Н. Толстого.

Но могла ли быть апологетика молчания у такого великого автора, как Л.Н. Толстой, в его земной, брэнной и бурной жизни? У писателя, который в своей критике репрессивной политики монархии создал непревзойдённый диссидентский манифест «Не могу молчать» (1908) [Толстой, 1956] ...

Вот поэтому обратимся к толстовским высказываниям, которые, будучи вырваны из текстов и контекстов, сводятся порой к банальному совету начинающим графоманам: если можете не писать – тогда не пишите...

В тексте и контексте письма и дневника всё было сложнее и глубже. Обратимся к письму Л.Н. Андрееву от 2 сентября 1908 г. [Толстой, 1956а, с. 220], которое было написано Л.Н. Толстым после своих беспощадных слов об андреевском «Рассказе о семи повешенных»: «Отвратительно! Фальшь на каждом шагу! Пишет о таком предмете, как смерть, повешение, и так фальшиво!» [Гусев, 1928]. [Толстой, 1956а, с. 220]. Именно здесь, после своей гневной статьи «Не могу молчать», он вполне лояльно советует автору: «Думаю, что писать надо, во-первых, только тогда, когда мысль, которую хочется выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умеешь, не выразишь ее, не отстанет от тебя... Второе, что часто встречается и чем, мне кажется, часто грешны особенно нынешние современные писатели (всё декадентство на этом стоит), желание быть особенным, оригинальным, удивить, поразить читателя... Это исключает простоту. А простота – необходимое условие прекрасного. Простое и безыскусственное может быть нехорошо, но непростое и искусственное не может быть хорошо. Третье: поспешность писания. Она и вредна и, кроме того, есть признак отсутствия истинной потребности выразить свою мысль... Четвертое: желание отвечать вкусам и требованиям большинства читающей публики в данное время» [Толстой, 1956а, с. 218–219].

Разумеется, речь идёт не о молчании, как любят толковать неискушённые читатели, а скорее об *ответственности пишущего*, о самобытной толстовской поэтике. И мы видим не только своеобразный спор с русскими декадентами, первыми постмодернистами, но и переключку-диалог с будущими структуралистами и постструктуралистами.

Столь же примитивно толкуют в духе «проповеди молчания» и толстовскую дневниковую запись от 19 октября 1909 г., вырванную даже из ближайшего текста и контекста. В тексте Л.Н. Толстого мы читаем: «...Вообще как вредно приписыванье значения текстам... Сейчас почитал К[руг] Ч[тения], письма, ответил на конвертах, и ничего не хочется писать, и слава Богу. Перечитал по случаю фонографа свои писания: О смысле жизни, О жизни и др., и так ясно, что не надо только портить того, что сделано. *Если уже писать, то только тогда, когда не можешь не писать* (курсив наш. – В.Р.)» [Толстой, 1952, с. 154]. Да, любому пишущему автору знакомо это чувство «разрыва в письме», когда тебе кажется, что ты зашёл в творческий тупик. Тогда лучше остановиться и помолчать перед чистым листом бумаги или пустым экраном компьютера...

Однако, если вникнуть более пристально в эти слова, то здесь, как и в записи от 18 октября и последующей от 20 октября, мы видим не столько «молчащего» Толстого, сколько автора, который *регулярно ведёт дневник и пишет письма* в газеты и частным корреспондентам, думает о собственных старых произведениях и новых литературных замыслах, читает чужие тексты, собирается надиктовывать свои мысли на фонографе (новинка!), разговаривает с домочадцами, многочисленными интеллигентными «почитателями» (интересная переключка у этого слова с «читателями»), личным врачом Душаном Маковицким и простым крестьянином. Это не молчание – а пауза, в которой идёт обдумывание и проигрывание в воображении грядущих текстов.

И главное – Л.Н. Толстой много думает о «разговоре» с Богом, даже пытается сочинять версии собственной молитвы к Нему: «Радуюсь тому, что знаю, что Ты еси, и что я есмь, и, главное, тому, что знаю, что Ты и я одно и то же», «помни, что тебе нет [дела] до людей, что ты перед Богом» [Толстой Л.Н. 1952, с. 153, 155]. И молитва, сотворенная наедине с Богом, – отнюдь не «молчание», а особый, *тайный разговор и мистический диалог*. Или особое молчание?

Здесь патриарх русской и мировой литературы очевидно сопряжён с библейским патриархом (разве случайно совпадение иконографического образа Моисея с толстовскими фотографическими портретами?). Творческий автор как бы входит в своём молитвенном молчании в диалог с дискурсом мировой культуры.

Но может ли быть реальное молчание у живого автора и смертного человека? На память приходит судьба советского писателя Юрия Олеши, который после своей знаменитой повести «Зависть» (1927) на долгие годы фактически замолчал, будучи задавлен идеологическими стереотипами советского литературного дискурса. Однако и тогда он не позволил умереть, умолкнуть автору в себе, создавая литературный дневник с самоироничным названием «Ни дня без строчки», полностью опубликованный книгой уже после смерти автора.

Так в нашей стране возник феномен «писательского молчания», который всё же не был в чистом виде «молчанием автора», так как многие советские писатели «работали в стол», то есть фактически не молчали. Или это было особое молчание? Или смерть писателя как автора?

Как возможна смерть автора?

И далее уместно обратиться к французским философам, Р. Барту и М. Фуко, к их полемике об авторе и смерти автора. Связана ли «смерть автора» с его «молчанием»?

Р. Барт парадоксы авторского бытия, автора-писателя и «пишущего человека», превращённых им в анонимного «скриптора», ведомого языком, текстами и их игрой в культуре, выразил в «смерти автора» перед лицом анонимного «читателя» [Барт, 1989, с. 133–140; 384–390]. Но анонимный автор-скриптор, как и анонимный «читатель-соавтор», в его трактовке и есть умерщвляющая и обезличенная тотальность дискурса культуры.

М. Фуко в заочном диалоге с Бартом в книге «Слова и вещи» констатировал «смерть человека» в тотальности языка и дискурса: «Человек был фигурой между двумя способами бытия языка; или, точнее, он возник в то время, когда язык после своего заключения внутрь представления, как бы растворения в нем, освободился из него ценой собственного раздробления: человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка... тогда – можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [Фуко, 1994, с. 403–404]. И в своём докладе «Что такое автор?» [Фуко, 1996, с. 8–46] он говорит уже не о смерти человека, но об исчезновении автора *в тотальности абсолютно анонимного дискурса*.

В своём споре с Р. Бартом, авторитетом структурализма, М. Фуко писал о сродстве письма и смерти в жертвенном творчестве автора: «...письмо теперь связано с жертвой, с жертвоприношением самой жизни» [Фуко, 1996, с. 14], а не с бессмертием в «вечности культуры» и в «веках», как было прежде принято банально считать. И Фуко, полемизируя одновременно с Бартом и Ницше, говорил: «Но, конечно же, недостаточно просто повторять, что автор исчез. Точно так же, недостаточно без конца повторять, что Бог и человек умерли одной смертью» [Фуко, 1996, с. 18]. Разумеется, французские философы-авторы спорили не о смерти «живого человека» или о «смерти автора», смертного человека, вполне себе телесного и исторически фиксируемого, например, как «Пушкин» или «Бальзак», «Барт» или «Фуко». Они говорили о *смерти концептов* «человек» и «автор» [Римский и др., 2017, с. 66], порождённых в дискурсе гуманитарной науки и философии XIX–XX веков, которые пришли к кризису перед лицом неизвестных процессов в постсовременной массовой культуре.

Вот в этой своей «смерти» в культуре постмодерна авторы и умолкают, перестают писать и говорить. И знаменитый диалог-спор Р. Барта и М. Фуко об авторе в окружении французских интеллектуалов шестидесятых годов XX века, «писателей» и «пишущих», фактически ничего нам не проясняет в концепте «молчание автора».

Автор в герменевтике текстов и дискурсов

Мы неоднократно определяли, что такое «дискурс». Дискурс в нашем уточнённом определении «представляет собой не только и не столько формально-логические и рассудочные формы мышления, сколько сложную *систему производимых человеком смыслов*, связанную функционально с культурно-исторической ментальностью и идеологией той или иной эпохи, выраженную *в понятиях и концептах* и воплощённую в самых разнообразных *языках* (текстах и других знаково-символических формах), обладающих определённой целостностью и погруженных в *речевые, культурно-коммуникативные и мыслительные практики* конкретных *сообществ* и жизнедеятельность *живого человека*, в социокультурный, иррационально-психологический и другие *контексты*, т. е. в экзистенциальную магму бытия» [первичное определение см.: Мельник, Римский, 2014, с. 34].

Наверное, в обозначенной дискурсной цепочке можно было бы упомянуть и читателя, *читающего пишущего автора*. Ведь тогда всплывает и ещё один дискурсный персонаж – *контекст*, который и существует только в *пульсирующей целостности живого дискурса*.

При этом дискурс всегда разворачивается в пространстве и времени *диалога* авторов и читателей, авторов и авторов, авторов и критиков, читателей и читателей. При этом надо иметь в виду, что необязательно непосредственное присутствие в диалоге идей и концептов философов и писателей, учёных и прочих интеллектуалов, сопоставленных в исследуемых текстах через «сети цитирования», равно как и наличие их свидетельств друг о друге, рефлексивного знания, восприятия и критики текстов друг друга или личного общения.

Коммуникация, культурный диалог и аккультурация идей и концептов, как и стилей философствования и создания художественных текстов тех или иных мыслителей и писателей, ввиду всеобщности литературно-философского дискурса могут происходить в более глубоком временном измерении, широком дискурсном пространстве и культурном контексте, нежели хронотоп актуальной эпохи: через века, через преемников и наследников, через школы и просто через одиноких энтузиастов мыслительных практик и художественные интуиции литературы.

Правда, где-то сбоку, чуть ли не в подсознании выплывает старый советский анекдот о приёме чукчи в Союз писателей: «чукча не читатель, чукча – писатель»... Незадачливые провинциальные и столичные графоманы до сих пор смеются над чукчей, упуская мудрость высказывания древнего азиата: писатель всегда читатель, а читатель – всегда соавтор. Но это нисколько не убивает ни автора, ни читателя. Разве что это делает ложная мудрость западных философов...

И анонимный читатель, и анонимный дискурс, поглощающие «пишущего автора», – не только плод интеллектуальной игры Барта или Фуко, но реально возникли во времени их жизни, когда медийный планктон уже поглощал и автора, и читателя, и слушателя-зрителя. Тем более, их правоту подтвердила эпоха тотальной анонимности интернет-дискурса, когда стала господствовать фигура и непонятный персонаж под именем «блоггер» – этакий *интернет-чукча*.

Может ли быть молчание автора при его земной, бренной жизни? Неужели автор действительно *замолкает* только в собственной смерти, реальной, телесной или культурной? Неужели его непрерывное говорение и писание подобны смерти? Неужели он ничего в действительности не «творит»? Ведь все эти разговоры и письма, диалоги и тексты, контексты и дискурсы всегда предполагают *живого автора-человека*, того, кто их ведёт и создаёт. И главное: *кто* или *что* есть автор? Кто разговаривает и пишет, спорит и слушает?

Так кто же «автор»?

А проясняет ли нам что-то само слово «автор»? Если отталкиваться от этимологии латинского слова *auctor*, то «автор» имеет следующие модусы и смыслы (эти смыслы и обыгрывал Фуко в своём выступлении): «виновник», «учредитель», «основатель», «подаватель мнения или совета», «сочинитель» [Аверинцев, 1978].

С.С. Аверинцев выделял и иные, глубинные (археологические) коннотации концепта «автор»: «*Auctor* ("автор") – *nomen agentis*, т. е. обозначение *субъекта действия* (курсив наш. – *B.P.*); *auctoritas* ("авторитет") – обозначение некоего свойства этого субъекта. Само действие обозначается глаголом *augeo*, одним из, говоря по-гетевски, "Urwoorte" ("первоглаголов") латинского языка... Он способен нечто "учинить" и "учредить": например, воздвигнуть святилище, основать город, предложить закон, который в случае принятия его гражданской общиной будет носить имя предложившего. Во всех перечисленных случаях гражданин выступает как *auctor*; им практикуема и пускаема в ход *auctoritas*» [Аверинцев, 1996, с. 76]. Здесь можно узреть и значение «создателя», протянув смысловую цепочку к христианскому креационизму.

В истории западноевропейского культурного дискурса слово *auctor* («автор») прямо соотносится с такими культурно-антропологическими феноменами, как *autos* – *сам* (отсылает нас к «автономии» и «свободе»); *ars* («искусство», «виртуоз», «искусник» и «искуситель»), «артист» и «мастер» (французское *artiste*). «Автор» оказывается, например, сопряжённым и со словом «актор» (Актор – в античности под этим именем часто выступают и мифологические, и исторические персонажи), термином, который новомодные социологи и политологи применяют для номинации анонимных активистов современного массового общества [подробнее см.: Римский и др. 2017, с. 65–69].

Когда же рождается автор, создающий философский литературный дискурс; автор, живущий, говорящий, молчащий и умирающий в творимом им самим дискурсе?

Автор в философском и литературном дискурсе

Мы ранее уже исследовали институциональную специфику античной философии в двух её формах – номотетической и диатрибической [Римский В.П., Римская О.Н., 2020]. *Номотетическая философия* как созерцающая, теоретическая и понимающая, которая в *думающем слове* узревает, приоткрывает и провозглашает *истину* и *законы мышления*. Она их видит любящим и дружеским взором, любит и любителю.

Понимание – всегда не только схватывание, но и «поятие», «поимение», открытие и эротическое слияние с истиной и думающим мышлением в любящем слове. И это слово – призыв к мысли, любовь к мысли, любовь к мудрости и дружба с мудростью как *филия*, ибо «мудрость» и несёт в себе эрос, «муд» и «уд». Она никогда не кричит на площади, а говорит почти шёпотом слова любви к истине. И предельное выражение такого философского слова не в поучающем тексте – в *созерцающем умолчании и молчании мыслителя*.

Есть и *номотетическая литература*, проза и поэзия, которая в *думающем слове* прозревает, выражает и любит *истину* и *законы жизни*. Она всегда – в *уединении*, в любящем и тихом разговоре с самим собой мыслящим. И собой – другим, с другим – как с собой. И её предельное выражение – не в писании букв и слов, а в жизни: она живёт так, будто своей жизнью пишет один и тот же текст, который и растворяется в *мочаливом приятии собственной судьбы и жизни*.

И когда такая философия и литература, думающая и любящая истину, мышление и жизнь, встречаются в одной судьбе и одном человеке, тогда и рождается великая философская литература. Это и Герклит с Парменидом, и Данте с Гёте, и Андрей Платонов с Михаилом Булгаковым...

Есть и *диатрибическая (академическая), поучающая философия*, которая именно в разговоре учителя и ученика, если она не выливается в плетение словес и болтовню по ангажированному утверждению законов силы и власти, а заканчивается *думающим молча-*

нием и пониманием, также приоткрывает и созерцает истину и законы мышления. Это Сократ, готовый ради любви к истине и свободному мышлению принять и поять (полюбить) смерть. И этим научить жизни в мышлении и мышлению в жизни. И такой философии не нужны тексты, а лишь свободное мыслящее слово, знающее *истину молчания*, вовремя умолкающее, но не умолкающее во времени.

Есть и диатрибическая философия, которая не может вовремя замолчать, создаёт тексты и передаёт истинное слово, законы мышления другим. Она всегда просвещает других, в школах или университетах, часто блуждая во тьме с фонарём мысли, как Диоген в поисках человека или Хайдеггер в приоткрытии алетей.

Есть и *диатрибическая, учащая литература*, которая поучает других и всех законам и истине жизни, хотя порой не может вовремя замолчать и умолчать истину, разворачивает великую трагедию пишущего человека, который часто ставит текст выше своей жизни, а потому также рождает в трудах великую литературу, как Достоевский или Толстой.

Диатрибическая философская литература также взывает к истине жизни и мышления, часто принося собственную жизнь и судьбу в жертву этому призыву (Beruf). Это также и Сократ с софистами, и Платон с Аристотелем, и Кант с Гегелем, и Достоевский с Толстым...

16 декабря Православная Церковь чтит память Святого Иоанна Молчальника (Безмолвника), связанного с армянской церковью. В народе эту дату называют «Днём тишины и немоты». Может ли пишущий человек не писать и молчать, наподобие монаха-исихаста? Ведь даже Иисусова молитва исихастов, великих молчальников, тоже *разговор с Богом!* Тогда что же молчание? Как оно врывается или вкрадывается в наши тексты и контексты, в нашу жизнь? И возможно ли оно вообще?

Концепт «автор» как понятие, нагруженное образными смыслами и контекстными коннотациями, требует вдумчивого понимания как завершающей герменевтической процедуры. И понимание всегда предполагает «понимание кого» и «понимание чего»: понимание другого и понимание текста. А понимание другого без разговора и диалога как минимум двух, говорящих и пишущих, невозможно.

Слова, вынесенные в заглавие нашей статьи, собственно, дают и сжатую формулу культурного бытия дискурса: автор в осмысленной речи с самим собой и в диалоге с другими авторами пишет и создаёт тексты, понимание которых возможно только в их прочтении и толковании контекстов, разворачивающихся в большом культурном пространстве многообразных дискурсов.

Но при этом пишущий автор должен *уметь вовремя замолчать* и вдуматься в создаваемые им самим и другими авторами тексты, прерывая тем самым анонимность дискурсов культуры, философских, литературных, художественных, повседневных.

Молчание автора – это *разрыв* дискурсного континуума, *остановка творчества* в осмыслении его целей в контексте актуальной эпохи. Этот разрыв в собственном творчестве всегда даёт возможность остановиться в повседневной суете и мысленным взором обратиться к Богу, определяя *смыслы* собственного бытия, живого человека-автора.

Список литературы

- Аверинцев С.С. 1978. Автор. Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., С. 28–30.
Аверинцев С.С. 1996. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Школа «Языки русской культуры», 448 с.
Аверинцев С.С. 2006. Собрание сочинений. Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 912 с.
Барт Р. 1989. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: «Прогресс», 616 с.
Бахтин М.М. 2000. Проблемы творчества Достоевского (1929). В кн.: М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Издательство «Русские словари», С. 5–175.

- Бахтин М.М. 1979. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. Москва: Искусство, 424 с.
- Герменевтическая традиция в России. 2019. Герменевтическая традиция в России: актуальные контексты и современные проблемы. Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. Москва, СПб., Белгород: ЦГИ Принт, 272 с.
- Гусев Н.Н. 1928. Два года с Л.Н. Толстым: воспоминания и дневник бывшего секретаря Л.Н. Толстого 1907–1908 г. Москва: Изд. Толстовского музея, 204 с.
- Иванов Вяч. Вс. 1976. Очерки по истории семиотики в СССР. Москва, Наука, 303 с.
- Мельник Ю.М., Римский В.П. 2014. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре: монография. СПб., Алетейя, 184 с.
- Римский В.П. 2020. Нам есть ещё что вспомнить... *Наука. Искусство. Культура*, 2(26): 119–130.
- Римский В.П. и др. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллект в интерьере культурного капитала; под ред. В.П. Римского. Москва, Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
- Римский В.П., Римская О.Н. 2020. Сообщества и корпорации в античной философии. *Наука. Искусство. Культура*, 2(26): 81–91.
- Роднянская И.Б. 1978. Автор. Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., С. 30–34.
- Толстой Л.Н. 1956. Полное собрание сочинений. Том 37. Произведения 1906–1910 гг. Москва, Государственное издательство художественной литературы, 493 с.
- Толстой Л. Н. 1952. Полное собрание сочинений. Том 57. Дневники и записные книжки 1909. Москва: Государственное издательство «Художественная литература», 428 с.
- Толстой Л.Н. 1956а. Полное собрание сочинений. Том 78. Письма 1908. Москва, Государственное издательство «Художественная литература», 448 с.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург, А-сад, 406 с.
- Фуко М. 1996. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва, Магистериум; «Касталь», 447 с.

References

- Averintsev S.S. 1978. Author. Brief Literary Encyclopedia. Vol. 9. M., pp. 28–30. (In Russian).
- Averintsev S.S. 1996. Rhetoric and the origins of the European literary tradition. Moscow? Publ. School "Languages of Russian culture", 448 p. (In Russian).
- Averintsev S.S. 2006. Collected works. Edited by N.P. Averintseva and K.B. Sigov. Sofia is the Logos. Dictionary. Kiev? Publ. DUKH I LITERA, 912 p. (In Russian).
- Bart R. 1989. Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow, Publ. "Progress", 616 p. (In Russian).
- Bakhtin M.M. 2000. Problems of Dostoevsky's creativity (1929). In: Bakhtin M.M. Collected works. Vol. 2. M., Publishing House "Russian dictionaries", pp. 5–175. (In Russian).
- Bakhtin M.M. 1979. Aesthetics of verbal creativity. Comp. S.G. Bocharov; Text prepared by G.S. Bernstein and L.V. Deryugin; Notes by S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow, Publ. Iskusstvo, 424 p. (In Russian).
- Hermeneutical tradition in Russia. 2019. Hermeneutical tradition in Russia: current contexts and modern problems. Edited by B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow, St. Petersburg, Belgorod, Publ. CGI Print, 272 p. (In Russian).
- Gusev N.N. 1928. Two years with L.N. Tolstoy: memoirs and diary of the former secretary of L.N. Tolstoy 1907–1908 Moscow, Publishing house of the Tolstoy Museum, 204 p. (In Russian).
- Ivanov Vyach. Vs. 1976. Essays on the history of semiotics in the USSR. Moscow, Publ. Nauka, 303 p. (In Russian).
- Melnik Yu.M., Rimsky V.P. 2014. A time to live and a time to contemplate... Existential meanings and philosophical understanding of time in classical European culture: monograph. St. Petersburg, Publ. Aleteya, 184 p. (In Russian).
- Rimsky V.P. 2020. We still have something to remember.... *The science. Art. Culture. Issue*, 2(26): 119–130. (In Russian).
- Rimsky V.P. et al. 2017. Mikhail Petrov's Founding Discursivity: An Intellectual in the Interior of Cultural Capital; edited by V.P. Rimsky. Moscow, Publ. Canon + ROOI "Rehabilitation", 456 p. (In Russian).

- Rimsky V.P., Rimskaya O.N. 2020. Communities and corporations in ancient philosophy. *The science. Art. Culture*, 2(26): 81–91. (In Russian).
- Rodnyanskaya I.B. 1978. Author. Brief Literary Encyclopedia. Vol. 9. M., pp. 30–34.
- Tolstoy L.N. 1956. The complete works. Volume 37. Works of 1906–1910. Moscow, Publ. State Publishing House of Fiction, 493 p. (In Russian).
- Tolstoy L. N. 1952. The complete works. Volume 57. Diaries and notebooks 1909. Moscow, State Publishing House "Fiction", 428 p. (In Russian).
- Tolstoy L.N. 1956a. The complete works. Volume 78. Letters 1908. Moscow, State Publishing House "Fiction", 448 p. (In Russian).
- Foucault M. 1994. Words and things. Archaeology of the Humanities. St. Petersburg, Publ. A-garden, 406 p. (In Russian).
- Foucault M. 1996. The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years. Moscow, Publ. Magisterium; "Castal", 447 p. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.07.2022

Поступила после рецензирования 18.10.2022

Принята к публикации 30.08.2023

Received July 18, 2022

Revised October 18, 2022

Accepted August 30, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor P. Rimskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia.